

Максим Горький

Губин

Максим Горький

Губин

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=636995

Аннотация

«Изношенный, издерганный Губин напоминал бездомную собаку: забежала она в чужую улицу, окружили ее сильные псы, она боится их, присела на задние ноги, метет хвостом пыль и, оскалив зубы, визжит, лает, не то пытаясь испугать врагов, не то желая поластиться к ним. А они, видя ее бессилие и ничтожество, относятся к ней спокойно – сердиться им лень, но чтобы поддержать свое достоинство, они скучно тявкают в морду чужой собаке...»

Максим Горький

Губин

...Впервые я увидел его в трактире; забившись в дымный угол и загородясь столом, он надорванным голосом кричал:

– Я вашу правду знаю... всю здешнюю правду знаю!

Перед ним полукругом стояло человек пять солидных мешан, неохотно поддразнивая его насмешливыми междометиями. Один равнодушно выговорил.

– Как те правды не знать, коли ты всех оболгал...

Изношенный, издерганный Губин напоминал бездомную собаку: забежала она в чужую улицу, окружили ее сильные псы, она боится их, присела на задние ноги, метет хвостом пыль и, оскалив зубы, визжит, лает, не то пытаясь испугать врагов, не то желая поластиться к ним. А они, видя ее бессилие и ничтожество, относятся к ней спокойно – сердиться им лень, но чтобы поддержать свое достоинство, они скучно тьявкают в морду чужой собаке.

– Кому ты нужен?

Мне давно и хорошо знакомы трактирные споры о правде, споры, нередко восходившие до жестокого боя, я и сам не однажды путался в этих беседах, как слепой среди кочек болота, но, незадолго до встречи с Губиным, смутно почувствовал, что все эти разноголосые состязания до бешенства и до крови выражают собою только безысходную, бестолко-

вую тоску русской жизни, разогнанной по глухим лесным уездам, покорно осевшей на топких берегах тусклых речек, в маленьких городах, забытых счастьем. Стало казаться, что люди ничего не ищут и не знают, чего искать, а просто – криком кричат, чтобы избыть скуку жизни.

Окна трактира открыты, а над головами людей колеблется, не исчезая, облако сизого дыма. Огни ламп – точно желтые кувшинки на мертвой воде пруда. За окнами тихо плывет августовская ночь – ни шороха, ни шёпота. Я смотрю на темное небо, на яркие звезды и, деревенея под тяжестью уныния, думаю:

«Неужели небо и звезды для того, чтоб прикрыть эту жизнь? Такую?»

Кто-то говорит уверенно и спокойно, точно читая написанное:

– Ежели кубасовские мужики свой лес оберечь не успеют, завтра он обязательно займется с полуденной стороны, а тогда, конечно, и Биркиных леса натло выгорят...

Спор на минуту затих, и снова, разъедая тишину, слышен надломленный голос:

– А что значит – правило?

Тяжелые, неуклюжие слова сталкиваются одно с другим и давят мысли насмерть. Голоса звучат громче и злей, под шум их я почему-то вспоминаю нелепые стихи:

Боги дали человеку

Воду, чтоб он пил и мылся,—
Он же взял да утопился
В ней...

...Потом я сижу один на ступени крыльца трактира, глядя через площадь в тусклые пятна окон Протопопова дома – за окнами мелькают черные тени, глухо и печально звучат басы гитары и высокий, раздраженный голос время от времени вскрикивает:

– Но – позвольте! Дайте же мне сказать...

А кто-то другой дробно сыплет в тишину, как в бездонный мешок:

– Нет – стойте, нет – стойте...

Дома, прижатые тьмою, кажутся низенькими, точно холмы могил. Черные деревья над крышами – как тучи. В глубине площади одиноко горит фонарь, его свет повис в воздухе неподвижным прозрачным шаром и напоминает одуванчик.

Тоска. Ничего не хочется.

Если кто-то подойдет сквозь тьму и ударит по голове – упадешь на землю и даже не помотришь – кто убил.

Всё та же дума со мною – верная мне, как собака, она никогда не отстает от меня:

«Разве для этих людей дана прекрасная земля?»

Из двери трактира с треском и громом бежит кто-то, катится по ступеням мимо меня, падает в пыль и, быстро вскочив, исчезает во тьме, угрожая:

– Я вас – оголю... я – раздену вас, будьте прокляты!

А в двери стоят темные люди, переговариваясь:

– Это он, гляди, поджечь грозит...

– Ку-уда ему, поджигать...

– Экая вредная сволочь...

...Вскинув котомку за спину, я иду вдоль улицы из одних заборов, сухой бурьян хватает меня за ноги и сердито шуршит. Ночь теплая, не стоит платить за ночлег; около кладбища есть удобные места для спанья, лес подошел почти вплоть к ограде, выслав вперед себя тесный ряд молодых сосен. Песок там усыпан сухой рыжей хвоей.

Из тьмы вынырнула и шарахнулась в сторону длинная человечья фигура.

– Кто идет? Кто? – пугливо раздается в мертвой тишине надорванный голос Губина.

...Он шагает рядом со мною, озабоченно выпрашивая, откуда я пришел, зачем, и – просто, как старому знакомому, предлагает:

– Спать иди ко мне, я здесь – домовладелец! И насчет работы я тебе находка: как раз завтра мне человека надо, колодец чистить у Биркиных – желаешь? Ну, вот, то-то! У меня, брат, всё сразу, всегда! Я и ночью людей насквозь вижу...

Дом его оказался старой баней; одноглазая, горбатая, с выпятившейся стеною, она прилегла на глинистом спуске в овраг, точно спряталась в кустах тальника и бузины.

Не зажигая огня, Губин растянулся на слежавшемся сене

в предбаннике, тесном, как собачья конура, поучительно говоря:

– Ложись головой к двери на волю, а то здесь запах тяжелый...

Да – тошнотворно пахнет ягодами бузины, мылом, гарью и гнилым листом...

В небе неподвижно торчат черные деревья, закрывая золотой Млечный Путь. За Окою кричит сова, и, точно горох, на меня непрерывно сыплются возбуждающие любопытство речи:

– Ты не гляди, что я в овраге загнан, – я противу всех здесь – первое лицо!..

Темно, мне не видать лица хозяина, но я помню освещенный желтым огнем трактирной лампы облезлый, истертый череп Губина, длинный, точно у дятла, нос и серые щеки в рыжеватой щетине. Под жесткими усами – тонкие губы, рот точно ножом прорезан, наполнен черными осколками зубов и кажется злым, уши острые, мышинные, должно быть – чуткие. Он бреет бороду, это очень не идет к его лицу и всей фигуре, но – делает его заметным: сразу видно, что это не мужик, не мещанин, а кто-то особенный. Тело у него костлявое, руки и ноги – длинные, локти, колени – острые, весь он – как сучок, – думается, что его легко изогнуть, даже завязать узлом.

Я плохо слушаю его и молчу, глядя в небо, где идут звезды, догоняя друг друга.

– Спишь?

– Нет... Зачем ты брешься?

– А что?

– В бороде лицо у тебя приятнее было бы, пожалуй...

Он коротко рассмеялся, восклицая:

– В бо-ороде... ах ты, нечисть! В бороде!

И строго заговорил:

– Петр Великий с Николай Павлычем несколько умней тебя были, так они – кто бороду носит – тому нос резать и сто целковых штрафу! Слышал?

– Нет, не слышал...

– А между тем из этого раскол церковный вышел, из-за бороды...

Говорит он быстро, шепеляво, слова, исходя из его уст, точно задевают за обломки зубов, рвутся, ломаются и выходят недоконченными.

– Все понимают – с бородой – легче жить, врать проще: соврал и в волосах спрятал. Значит, нужно, чтоб все жили с голым лицом – труднее врать! Чуть сыграл фальшиво – всякий это видит...

– А – бабы?

– Что – бабы? Баба врет мужу, а не городу, не всем людям – миру. Бабье дело курье; тихое – выводы цыплят... Ежели она и ложно покудахтает – какой вред? Она – не поп, не чиновник, не градской голова... власти ей не дано, законов не уставляет... Главное – чтобы в законах не врать!.. Закон

должен содержать в себе настоящую правду... Надоело мне окружающее беззаконие!

Дверь предбанника была открыта, точно в церковь: деревья во тьме стояли подобно колоннам, белые стволы берез – как серебряные подсвечники, над вершинами их мерцали тысячи огней, чьи-то сине-темные лики неясно смотрят сквозь черные ризы. Жуткая тишина в душе, хочется встать и идти во тьму, навстречу всем ночным страхам, но быстрая речь человека опутывает внимание и держит на месте.

– Отец мой был человек самоумный, характерный, и за это его терпеть не могли в городе. Лет с двадцать он добивался выбора в головы градские, и поил-кормил людей, и уговаривал – не одолел упрямства-глупости, так и скончался, не достигнув назначенного себе. Боялись его: он бы тут всё разворотил, до корней вплоть! Он знал, что закон надобно вбивать в самое нутро человеку, вроде как бы гвоздь...

Под полом пищат мыши, за Окою стонет сова, и всё гуще слышен смолистый запах гари: леса горят. В темном небе порою вспыхивают красные пятна, скрадывая неясный блеск звезд.

– Помер в одночасье. А я, о ту пору, был семнадцати годов, училище городское в Рязани только что окончил. И, конечно, всё, что отец против себя в людях накопил, на меня свалилось: весь в отца, говорят! А я – один! Мать, в уме помешавшись, тоже померла, года за два до отца. Дядя, отставной унтер-офицер, пьяница непробудная и герой: под Плев-

ной сражался, там ему глаз вышибли и руку повредили левую так, что отсохла. Кресты у него, медали, и он надо мной издевается – грамотей, дескать! Ученый! А что такое – «тиверсия»? Я говорю: такого слова нету, а он меня – за волосы... Совсем нелепое лицо! И все меня грамотой стыдят, по дикости своей... Стал я в городе на манер дурачка для всех и вроде блаженного...

Воспоминания приподняли его, он сел на пороге двери – черным пятном в синий квадрат, – закурил хрипучую трубку и, освещая свой длинный, смешной нос, продолжал быстро бегущими словами:

– Женился двадцати годов, на сиротке – больная попала и померла, не разродясь, – опять один я! Беа поддержки, без совета, без дружков... так-то! Живу и вижу: всё не так, как надобно...

– Что – не так?

– Всё! Весь оборот жизни... глупость, дичь болотная! Даже собаки не в пору лают... Говорю: давайте, ремесленное училище откроем и для девиц что-нибудь. А они – смеются: все, говорят, ремесленники горькие пьяницы, весьма довольно их! Девицы же, дескать, без наук часто до времени родят... Затеял я спичечную фабрику – сгорела в первый год... Чего делать? Тут и настигла меня одна женщина, завертелся я около нее, как стриж вокруг колокольни, закружился и так зажил... будто не здесь! Три года не чувал себя, а когда оклемался, вижу – нищий я и всё мое – в ее руках белых!

Было мне в то время двадцать восемь годов, а – нищий! Ну, – не жалею! Пожил, как редко живут... На, бери, возьми! Всё едино: я сделать не мог бы ничего с отцовым большим добром, а она – она, вон как... н-да! Может – я в ту пору и не думал так, а – это теперь, когда всё потеряно... Она говорит – ничегоде не потеряно. Ума, брат, у ней – на весь город...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.